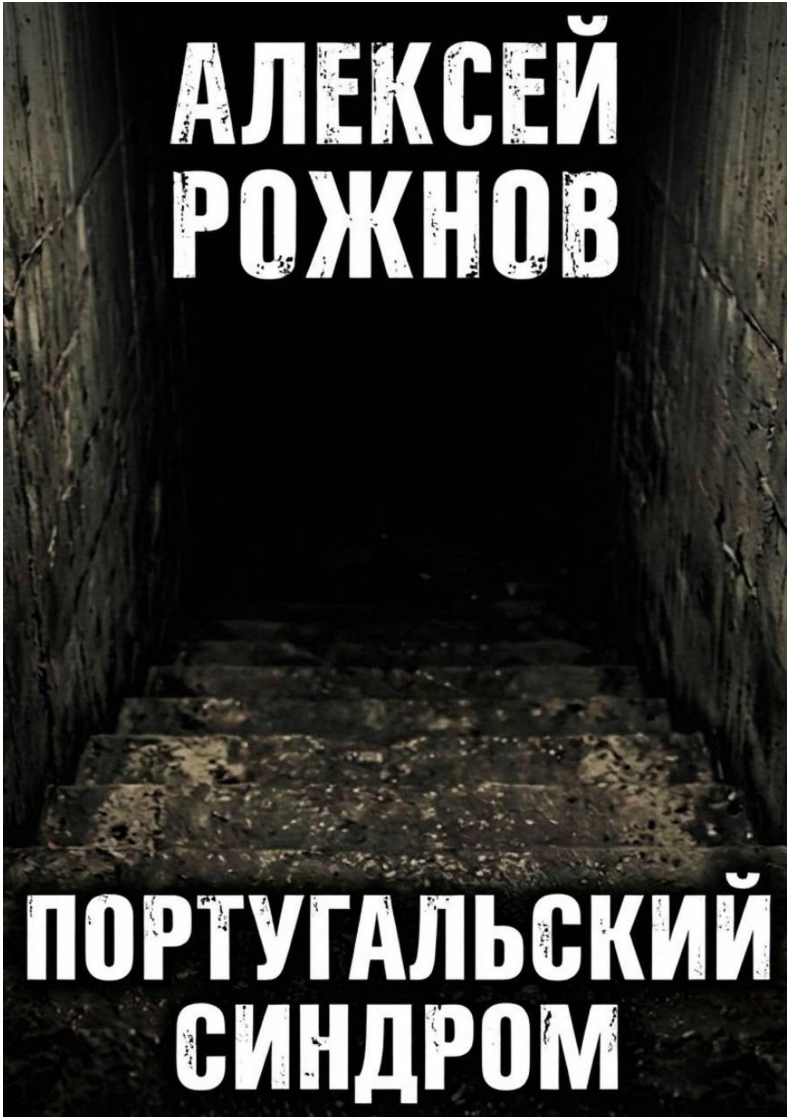

АЛЕКСЕЙ
РОЖНОВ
ПОРТУГАЛЬСКИЙ
СИНДРОМ

Алексей Рожнов
Португальский синдром

https://litres.ru/74981943
SelfPub; 2026

Аннотация

Максиму сорок один. Он психолог по образованию и музыкант в прошлом, который пять лет не прикасался к клавишам, а последние четыре месяца просто стоит у конвейера на складе и считывает штрихкоды. Его жизнь состоит из будильника в четыре сорок, старого глухого пса Грома и пятна от протечки на потолке, похожего на рыбу.

Всё рушится в тот день, когда Максим замечает провал во времени: одиннадцать часов рабочей смены исчезают без следа. Вскоре он понимает, что сбоит не его память, а сам мир вокруг — из разговоров исчезают имена людей, по ночам на коробки попадают посылки с надписью «Тимшел», а строгое лицо новой начальницы блока Ирины оказывается единственной точкой, удерживающей реальность от распада. Но что делать, если весь город вокруг — всего лишь чужой сон, который вот-вот закончится?

Содержание

1	4
2	19
3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Португальский синдром

1

Я проснулся с желанием жить. Впервые за долгое время.

Лежал и смотрел в потолок. На штукатурке подсыхало бурое пятно от старой протечки, похожее на рыбу. Я знал эту рыбу четыре месяца. Четыре месяца я ничего к ней не чувствовал. Сегодня она показалась мне живой.

В комнате было холодно. Труба в стене гудела, батарея под окном грела только сверху. Спал я в носках и в футболке. Так теплее.

Пёс заворочался у двери. Когти простучали по линолеуму — раз, другой. Встал, подошёл, положил голову мне на колено. Шерсть пахла пылью и сухарями.

— Гром, — сказал я. — Ты старый.

Он не слышал. Ему было четырнадцать, глухоту он пробивал, только когда я стучал по полу. Почесал его за ухом. Пёс постоял и снова лёг у двери — там дуло меньше.

За окном капало. Оттепель шла третий день. С крыши текло на жестяной отлив, вода била в одну точку. Слушал, пока не замёрзла спина. Потом встал.

Желание жить не проходило. Сидело во мне, как чужая вещь в кармане. Проверил его ещё раз. На месте.

Мне сорок один год. Психолог по образованию. Диплом

лежит в нижнем ящике под свитерами. Ящик я не открывал два года.

Умывался холодной водой. Из крана сначала шёл воздух, потом ржавая струйка, потом вода. В зеркале стоял человек с серым лицом и короткой стрижкой. Выглядел старше своих лет. Так бывает, когда много спишь и мало спишь одновременно.

Варил кофе в ковшике. Растворимый кончился в среду. Пил без сахара у окна, курил в форточку. Дым шёл на улицу и возвращался — тяги не было.

На полке в ванной стояли два флакона. Большой, дорогой, с магнитной крышкой. И маленький, из аптеки, с сандаловым маслом. Масло я купил в переходе ещё в прошлой жизни. Наносил на шею каждый день. Большой не трогал.

Коробок было две. В одной книги, в другой посуда. Привёз их сюда на такси в феврале, распаковал только нужное, остальное оставил как есть. В коробке с посудой лежала кружка с кошкой. Её я завалил газетами. Жена пила из неё чай — две ложки сахара, и всегда оставляла на дне.

О жене я не думал. Думал о том, что если сегодняшнее утро повторится, придётся с этим что-то делать. Что именно — не знал.

Взял со стола телефон. Четыре сорок. До автобуса десять минут. Смена в шесть.

Одевался медленно, будто у меня был выбор. Чёрные джинсы, серая футболка, свитер, куртка. Перчатки я потерял

в марте и с тех пор ездил так, держа руки в карманах.

Пёс встал вместе со мной и замер у двери.

— Я вернусь, — сказал я.

Слово он слышал каждый день. Всё равно смотрел в лицо и ждал, пока закроется замок.

На лестнице пахло мокрым бетоном и чужим борщом. У соседей на втором работал телевизор. Диктор говорил про снег, потом про курс, потом опять про снег. Каждое утро одно и то же. Я не мог вспомнить его лицо, хотя слышал этот голос четыре месяца. Решил, что это нормально. Люди не запоминают голоса за стеной.

Во дворе остановился и закурил. С крыши падало. Вода шла по асфальту тонким слоем и собиралась у ливнёвки. Двор был пустой. У третьего подъезда стоял человек в синей куртке и смотрел вверх, на фонарь. Стоял неподвижно, запрокинув голову. Я успел выкурить полсигареты, а он не двинулся.

Смотрел на него, пока не замёрзла рука. Потом он опустил голову и ушёл в подъезд.

Фонарь над ним горел и гас. Горел и гас. Или мне так показалось.

Автобус по расписанию шёл в пять ноль-ноль. Приходил он в пять ноль-ноль только в моей голове, а на самом деле — когда хотел. Я стоял на остановке, вокруг люди в куртках и шапках, все молчали. У кого-то в сумке жужжал будильник. Его никто не выключил.

Сел у окна, смотрел на город. Красноярск в оттепель похож на мокрую коробку, в которой что-то горит. Мокрый асфальт, мокрые вывески, люди идут с наклонёнными головами. Дома серые. Между домами — труба и пар. Пар поднимался и стоял, как повешенное бельё.

Подумал: хочу жить.

Мысль была чужая. Я привык к другой. Той было столько же, сколько мне. Та вставала по будильнику, ехала на смену, считала посылки, ждала конца.

Если бы у кого-то из этих людей была камера в моей комнате, он понял бы про меня всё. Увидел бы пятно на потолке, две коробки, кружку под газетами. И ему не пришлось бы ничего объяснять.

До смены оставалось девятнадцать минут. Достал телефон, но не открыл экран. Смотрел, как в стекле отражается фонарь, и держал руки в карманах.

На проходной было теплее, чем на улице, и пахло хлоркой. Турникет пискнул на карте, на экране загорелась зелёная полоса и моя фамилия. Фамилию я не читал. За четыре месяца привык смотреть на полосу.

В раздевалке гудело и висел пар. Сорок человек переодевались у сорока одинаковых серых шкафчиков. Снял куртку, надел жёлтый жилет, прицепил к поясу сканер. Сканер был тёплый от зарядки и пищал, когда нажимаешь кнопку.

— Максим, сегодня до девяти, — сказал парень из соседнего ряда. Его звали Денис, ему было двадцать три, и он все-

гда говорил одно и то же. — Вчера до девяти.

— Вчера до восьми.

— До восьми сорока. Ты ушёл раньше.

Он застёгивал жилет и смотрел на себя в зеркальце, приклеенное изнутри на дверцу. Волосы мокрые от геля, лицо узкое. Работал он здесь полгода и уже устал рассказывать, как устал.

— Ты бы записал что-нибудь, — сказал он тихо.

— Что?

— Ну. — Он дёрнул молнию на жилете. — Музыку.

— Потом.

— Ты говоришь «потом» четыре месяца.

Я затянул ремень сканера. Он ждал.

— И?

— Ничего. — Денис взял шапку и сунул её в рукав. — Я просто спросил.

Я застёгивал жилет и не смотрел на него. В цеху об этом не говорили громко, но знали все. Знали и не спрашивали.

На стене висел плакат. Рабочий в жёлтом жилете улыбался и показывал большой палец. Над ним было написано: «Твоя скорость — наша общая цель». Плакат я видел каждый день. Улыбка одна и та же, палец тоже. Как-то подумал, что на такую зарплату так не улыбаются. Потом подумал, что это фотография, а не человек, и успокоился.

Смена начиналась в шесть. До шести была пятиминутка. Начальник участка стоял на площадке у ленты, держал план-

шет и говорил в него, а не в нас.

— Норма двести сорок в час. По итогам недели смотрим рейтинг. У кого ниже восьмидесяти, идём разговаривать.

Про рейтинг он говорил каждый день. Рейтинг висел над лентой на экране: фамилии и цифры. Моя стояла в середине списка и не двигалась. Держал я её в середине специально. Выше опасно, начинали замечать. Ниже опасно, начинали разговаривать.

Лента пошла в шесть ноль-ноль. Сначала идёт пустая, потом из-за поворота появляется первый ряд посылок, и дальше уже не останавливается. Я стоял у своей ячейки и считывал. Зелёный луч, писк. Зелёный луч, писк. Коробки разного размера, в каждой что-то, что кому-то нужно. Об этом я не думал. Думал о том, чтобы коробка встала ровно и не задела соседнюю.

Дальше ритм берёт тебя сам. Руки работают, голова свободна, и в голове начинается всякое. Пробовал считать до ста. Пробовал вспоминать стихи. Пробовал не думать ни о чём, получалось хуже всего.

В половине девятого у соседнего участка встала женщина. Галина, пятьдесят с чем-то, работала здесь дольше всех, кого я знал. Держалась за поясницу и смотрела на ленту.

— Галина Петровна. Вам бы сесть.

— Мне бы домой.

Она не села. Взялась рукой за край ленты и стояла.

Мастера никто не звал. Он сам увидел, подошёл и сказал

идти в комнату отдыха. Она ушла, её коробки пошли по ленте дальше, и через минуту их считывал кто-то другой. Лента не заметила.

Смотрел, пока она шла. Мимо ячеек, держась за поясницу. В цеху было холодно, а у неё на лице блестел пот. Потом она повернула за угол, и её не стало.

В десять был перерыв. Взял в автомате кофе в пластиковом стакане и вышел в курилку. Курилка была стеклянной коробкой, пристроенной снаружи, там всегда стоял туман. Курили молча. Один охранник рассказывал про рыбалку, его никто не слушал.

Стоял у стекла и смотрел на площадку. За забором мокрая дорога и пустая стоянка. По стоянке ходил человек в синей куртке и вёл рукой по воздуху, будто перелистывал что-то невидимое. Прошёл от одного края до другого, повернул, пошёл обратно. Я докурил и посмотрел на часы.

Через две минуты надо было возвращаться.

Человек на стоянке остановился и посмотрел в мою сторону. Я стоял за стеклом и курил. Он не махнул рукой. Я тоже.

Кофе остыл, вылил его в урну.

После перерыва время идёт по-другому. Первые два часа его не замечаешь. Потом начинаешь считать. Остаётся шесть часов, потом пять, потом четыре, и каждый час длиннее предыдущего.

В цеху пахло картоном, скотчем и машинным маслом. Ре-

зиной ленты, которая тёрлась о ролики. Холодом, который шёл от ворот. К обеду прибавлялся запах людей: мокрые куртки, пот, дешёвый дезодорант, у кого-то рыба.

Посылки шли одна за другой. Считывал штрихкод, ставил коробку в ячейку. Если ячейка не открывалась — нажимал кнопку ещё раз. Если и во второй раз не открывалась, звал техника. Техник приходил через двадцать минут и говорил, что надо подождать. Я ждал, складывал коробки на пол. Пол бетонный, серый, в тёмных полосах от колёс. На полу кусок скотча и мёртвая муха.

Над лентой висели часы. Большие, круглые, с белым циферблатом, стрелка шла медленно. Смотрел на них не чаще раза в час. Если чаще — начинает болеть голова.

В двенадцать была столовая. В другом корпусе, идти пять минут по улице. Шли в жилетах, накинув куртки на плечи, и пар изо рта шёл у всех сразу, как у стада.

В столовой пахло щами и хлоркой. На раздаче стояли две женщины в белых халатах и голубых косынках. Одна наливала суп, вторая клала макароны. Макароны серые, с маслом, девяносто рублей. Суп шестьдесят. Компот из сушёных яблок двадцать и сладкий, как лекарство.

Взял суп и хлеб. Сел у окна, где холоднее, зато не так шумно. За окном шёл снег с дождём и таял, не долетая до асфальта. На подоконнике лежала чья-то рукавица, мокрая, почерневшая.

Денис сел напротив. Две порции макарон и котлета.

— Ты слышал, что с ночной сделали? — сказал он. — Им надбавку за переработку теперь не платят. Говорят, это в договоре.

— В каком договоре.

— В нашем. Там где-то есть пункт. Мне кадровичка говорила.

Говорил и ел одновременно, губы блестели от масла. Я жевал хлеб. Хлеб мягкий, чуть тёплый. В него хорошо было смотреть.

— Тебе вообще всё равно, — сказал он. — Я заметил. Тебе вообще всё равно.

— Мне не всё равно.

— Тогда почему ты молчишь?

Я не ответил. Он подождал. Отложил вилку, взял её снова.

— Ладно, — сказал он. — Не хочешь, не говори.

И стал про свою девушку, которая хочет в Питер. Её звали Аня, работала в аптеке и мечтала уехать. Денис не хотел уезжать: здесь у него была машина. «Лада» девяносто девятого года, вложил в неё двести тысяч.

Он говорил быстрее, чем ел. Слушал и кивал. Психолог во мне отметил: он боится не Питера, а того, что она уедет одна. Говорить не стал.

После столовой курили на крыльце. Снег уже не шёл. Небо низкое, серое, света от него не было. Только фонари. Горели жёлтым, вокруг висела мелкая водяная пыль.

— Четыре часа, — сказал Денис и посмотрел в телефон.

— До девятки дотянем?

— Дотянем.

Вторая половина смены хуже первой. Тело уже знает работу и делает её без тебя. Голова становится пустой и лёгкой, и в ней начинают крутиться вещи, которых днём не бывает.

Думал, как пахнет у меня в комнате. Думал, что пыль на подоконнике лежит слоем и её надо вытереть, но я не вижу смысла вытирать. Думал про жену. Не про измену. Про то, как она чистила картошку и держала нож. Как говорила по телефону в коридоре и понижала голос, и я слышал только конец фразы. Тогда я ничего не заподозрил. Я психолог — должен был.

В восемь вечера лента встала на профилактику. Десять минут, можно сесть. Все сели на ящики и на пол, замолчали. Кто-то включил музыку в телефоне. Играло простое, с гитарой, звук плохой, из одного динамика.

Сидел на ящике и смотрел на мезонин. Стеклянный, наверху, оттуда всё видно. Столы с мониторами, за ними люди в белых рубашках. За стеклом их почти не было видно. Только мониторы светились голубым.

Один человек стоял у стекла и смотрел вниз, на нас. Лица не видел. Стоял неподвижно, будто считал. Я подумал: считает нас.

Потом лента пошла, и все встали.

В двадцать сорок объявили конец смены. В цеху сразу стало шумно: шкафчики, куртки, ключи, чьи-то шутки. Сдал

сканер, снял жилет, повесил в шкаф. Жилет мокрый под мышками и холодный.

На улице шёл снег. Мокрый, тяжёлый, падал на плечи и сразу таял. Асфальт блестел, в нём отражались вывески: аптека, цветы, разливное, ещё аптека. На остановке стояли человек десять, все смотрели в телефоны.

Пошёл пешком. Двадцать минут, автобус шёл столько же. Мимо гаражей, мимо шиномонтажа, где на стене висела шина и сохла. Мимо ларька, в котором горел свет и женщина в окошке считала мелочь. Мимо дома с аркой, где пахло мочой и мокрым цементом.

У магазина остановился. Хлеб, молоко, пачка сигарет, корм для пса. Корм в пакете, с собакой на этикетке. Собака весёлая и молодая. Посмотрел на неё и подумал: у нас с ней не так уж много общего.

Кассирша пробила и сказала:

— Пакет?

— Не надо.

— Двадцать три рубля скидка по карте. — Она подняла глаза. — Есть карта?

— Нет.

Вздохнула, будто я её обидел, отсчитала сдачу и положила на тарелку, не в руку.

В подъезде было темно. Лампочка на первом перегорела ещё в октябре, её никто не менял. Поднимался, держась за перила. Перила холодные и липкие. На третьем пахло жаре-

ной картошкой. На четвёртом было тихо.

Пёс услышал за дверью и начал скрести. Открыл. Он ткнулся головой в колено и стоял так, пока я снимал куртку.

— Сейчас, — сказал я. — Подожди.

Свет включил только в коридоре. Комната осталась тёмной, в ней было видно окно — серый прямоугольник, в котором висели фонарь и ветка. Насыпал псу корм в миску. Миска эмалированная, с отбитым краем, грохотала о пол. Пёс начал есть, когти цокали по линолеуму, пока он переступал.

Поставил чайник. Пока грелся, вымыл руки и посмотрел в зеркало. За смену лицо становится чужим. Следы от маски и очков, кожа под глазами серая, как бетон в цеху.

Сделал себе яичницу. Две штуки, на масле, с хлебом. Соль насыпал из пакета: солонка кончилась в сентябре, я всё время забывал купить новую. Ел стоя, у окна. Яичница была горячая, нёбо обжёг.

За окном двор был пустой. Мокрый снег на крышах гаражей и на детской площадке. Качели стояли ровно, без ветра. В окнах напротив горел свет, и в них была видна жизнь: у кого-то мигал синим телевизор, у кого-то на кухне ходила женщина, у кого-то только ночник.

Стоял и смотрел. Мне было хорошо. Это было странно, и я попробовал понять, отчего.

Я жил в комнате с четырьмя стенами. Стол, диван, шкаф, коробки. Обои в мелкий цветок, в одном месте отходили. Каждый цветок на этой стене я знал. Знал, где скрипит по-

ловица, где дверь не закрывается до конца, откуда из розетки идёт тёплый воздух. Знал, что сосед сверху кашляет в три ночи, а соседка справа смотрит сериалы до двух.

На подоконнике стояли AKAI MPC и Roland Fantom-08. Я не трогал их пять лет. Пыль лежала на них ровным слоем, и на пыли остались следы от пальцев. Старые, мои.

— Ты бы сел, — сказал я себе.

— Не хочу.

— Ты не пробовал.

— Пробовал. Пять лет назад.

Тогда я сел, включил, положил руки на клавиши и ничего не почувствовал. Ни злости, ни радости, ни пустоты. Просто холодное железо под пальцами.

Я не притрагивался не потому, что не получалось. Получалось всегда, даже в плохие дни. Просто отвалилась часть души, которая отвечает за вдохновение. Она отвалилась тихо, как отходит штукатурка: сначала трещина, потом кусок лежит на полу, а стена стоит.

Над столом висел винил. Мой первый альбом, в конверте, в рамке. С конверта смотрел мужчина. У него было моё лицо, только моложе. Он знал, что делает, куда идёт и как туда дойти. Я смотрел на него каждый вечер и не узнавал.

Иногда мне казалось: стена за моей спиной не стена. Там стекло, за стеклом сидят люди и смотрят. Как я ем яичницу. Как говорю с псом. Как сижу на диване и держу телефон, не открывая. Молчат, потому что у них выключен звук.

Я знал, как это называется: защитная фантазия. Человеку легче думать, что за ним смотрят, чем думать, что не смотрит никто.

Доел яичницу, вымыл сковородку. Вода холодная, потом горячая, потом опять холодная. Трубы в этом доме жили своей жизнью.

Пёс уже лежал у двери, на своём месте. Он всегда ложился у двери, хотя у меня был старый тюфяк и подстилка. Я подумал: ждёт кого-то другого. Может, жену. Он её знал. Когда я уезжал, он скулил в коридоре и не давал закрыть дверь.

Сел на диван, закурил в форточку. У соседей справа шёл сериал: женский голос говорил, что так больше не может, мужской — что может. Потом заиграла музыка, стало тихо.

Посмотрел на телефон. Четыре уведомления от доставки и одно от банка. Не открыл ни одного.

Потом увидел человека. Он стоял у третьего подъезда, в синей куртке, и смотрел вверх. Не на фонарь. На мои окна.

Я сидел в тёмной комнате, видеть он меня не мог. Не двигался. Он стоял и смотрел. Прошла минута. Потом опустил голову, пошёл вдоль дома к арке — и там исчез.

Докурил, закрыл форточку. Стало тише.

Лёг, не снимая носков. Пёс пришёл, лёг на пол рядом с диваном. Дышал тяжело, с хрипом, и этот хрип я слушал каждый вечер.

Думал: завтра смена. Лента пойдёт в шесть ноль-ноль. Надо купить солонку. Если повторится сегодняшнее утро — я

не знаю, что с этим делать.

Лежал и смотрел в потолок. Пятно от воды было на месте. Никуда не делось.

Утром я проснусь. Я не знал, захочу ли жить.

2

Ночью пошёл дождь, и первое, что я услышал, была не вода, а жесть: капли били по отливу под окном так, будто кто-то очень терпеливый перебирал в темноте мелкие монеты. Я проснулся дважды. Первый раз, когда у соседей справа выключился телевизор. До этого я, выходит, слышал его сквозь сон, ровное бормотание за стеной, и вот оно оборвалось, и тишина разбудила меня вернее любого шума. Второй раз, когда пёс переступил лапами у двери, вздохнул и уронил хвост на линолеум.

В комнате пахло мокрой пылью и остывшим табаком. Фонарь со двора висел в окне, ветка качалась и перечёркивала его пополам, потом отпускала, и он снова становился целым. С сучка свисала капля. Я смотрел, как она набирается, тяжелеет и падает, и не считал. Раньше считал.

Я думал о человеке в синей куртке, который вчера стоял у третьего подъезда и запрокидывал голову, будто искал что-то на фонаре. Думал без страха, скорее с раздражением, и раздражение это мне не нравилось: так думают о долге, который пока не требуют. О жене думать не стал. Потом вспомнил, что утром на смену, и это было даже хорошо. У смены есть начало, а у начала есть будильник.

Заснул я под утро, под дождь.

Утром я проснулся раньше будильника, что со мной слу-

чалось примерно никогда, и полежал, слушая, как в стене гудит труба. Гудела она низко, с перебоями, будто в ней кто-то жил и ворочался во сне. Желание жить было на месте. За ночь оно не прошло, и это меня почти насторожило: за последний год оно уходило, как вода из раковины, тихо и без скандала, а тут вдруг стояло на месте, как будто его кто-то поставил и велел не двигаться.

Пёс спал у двери, свернувшись так, что голова лежала на хвосте. Я смотрел на его спину и думал, что вчерашнее утро было точно таким же: то же пятно на потолке, та же капель, тот же автобус, тот же запах в подъезде. Разница была одна. Тогда я ничего не хотел, а сейчас хотел, и от этого всё вокруг сделалось как будто на полтона громче.

Встал я тихо, чтобы он не проснулся. Он, конечно, проснулся. Когти по линолеуму, как маленькие барабаны, голова в колено, хвост ходит.

— Рано ещё, — сказал я.

Он не понял. Он никогда не понимал, но каждый раз делал вид, что вот сейчас поймёт.

В ванной было холодно. Побрился. Пена кончилась в прошлом месяце, я намылил лицо мылом, и оно щипало. Станок старый, с одним лезвием, и я, разумеется, порезался под носом, ровно там, где неудобно. Кровь пошла сразу, маленькой точкой. Я прижал бумажку и стоял с ней, пока не перестало, глядя в зеркало на человека сорока одного года, который утром в ванной держит под носом бумажку и ждёт.

Потом я посмотрел на полку. Большой флакон стоял там два года. Магнитная крышка, тяжёлое стекло, надпись «Sauvage». Подарок, который я так и не выбросил, потому что рука не поднималась, а может, потому что как раз поднималась.

Я снял крышку. Она щёлкнула.

Брызнул на шею. Один раз, потом второй. Запах ударил в нос: перец, сухое дерево и ещё что-то, чего я не мог назвать, не то кожа, не то дым. Я стоял и дышал им. Потом взял маленький пузырёк и нанёс сандал. Масло холодное, пахло деревом и аптекой, и на секунду мне стало нехорошо, потому что этот запах я знал слишком давно.

Зачем я это делал, я не знал. Смена, склад, коробки. Туда не ходят с духами, туда ходят с пустой головой и термосом.

Оделся, покормил пса, вышел. Он стоял у двери и смотрел, и в этом взгляде было столько укоризны, сколько бывает только у собаки, которую оставляют одну.

На улице было теплее, чем вчера, и капель шла сильнее; асфальт блестел, в лужах дрожали фонари, и весь двор пах мокрой корой. У третьего подъезда стоял человек в синей куртке. Смотрел вверх, на фонарь, запрокинув голову так, что капюшон съехал на спину, и стоял неподвижно, будто ждал, что фонарь ему что-нибудь ответит. Сегодня я не стал ждать полсигареты. Он мне мешал. Я прошёл мимо, не поздоровался, и он не поздоровался, и в этом не было ничего особенного, кроме того, что было.

В автобусе пахло мокрой тканью и бензином. Я сел у окна и протёр стекло ладонью, и Красноярск поплыл за ним, как мокрая мебель, которую вынесли из дома и забыли занести обратно. Дома, заборы, трубы, пар из котельных. Всё серое и всё живое, потому что течёт вода.

На остановке вошла женщина с сумкой, и сумка пахла укропом так сильно, что перебила автобус. За ней парень в наушниках; в кармане у него играло громко, на весь салон, три аккорда, скрежет, опять три аккорда, и старуха у двери вздохнула так, что стало ясно: она слышала это ещё в семьдесят девятом.

В раздевалке было шумно и тепло, как в бане, и пахло так, как пахнет в раздевалке всегда: чужими ногами, стиральным порошком и дешёвым дезодорантом, который берут на смену, чтобы не пахнуть сменой. Денис сидел на скамейке и завязывал ботинок с таким лицом, будто решал уравнение.

— Слышал? — сказал он. — Начальник блока приезжает. Новый.

— Нам-то что.

— Как что. — Он посмотрел на меня, как смотрят на человека, который не понимает очевидного. — Говорят, она с сортировки. У неё лучший процент на участке. Лучший, понимаешь?

— И?

— И характер.

— Какой характер.

— Такой. — Он дёрнул шнурок. — Говорят, мужики из-за угла смотрят, когда она идёт. Чтобы не попасться.

Он выпрямился и посмотрел на меня.

— Ты бы ей сказал, что это ты.

— Что я?

— Ну. — Он обвёл рукой воздух, будто показывал на невидимую витрину. — Музыка. Пластинка.

— Ей всё равно.

— Ага. — Он засмеялся, коротко и без особой радости. — Всем всё равно, пока не включат.

Ботинок он завязал и сразу забыл, что завязывал.

Мастер ходил по цеху и трогал ячейки пальцем. Пальцем он проводил по верхней полке, потом смотрел на палец, будто ждал, что тот ему что-то расскажет. Пол у нас мыли с утра, второй раз за неделю; пахло мокрым бетоном и хлоркой, и от этого запаха цех казался ещё холоднее, чем был. Кто-то содрал с ячеек старые наклейки, и на пластике остались серые следы от клея, похожие на отпечатки.

— Работаем без разговоров, — сказал мастер. — Сегодня проверка.

Говорил он это нам, а смотрел на ленту. Лента ещё стояла, и в этом было что-то неприятное, как в остановившихся часах.

Я стоял у своей ячейки и считывал первую коробку, когда в цеху стало тихо. Не совсем тихо: лента шла, сканеры пищали, вентиляция гудела на одной ноте. Но люди перестали

разговаривать, и от этого цех зазвучал иначе, так, наверное, звучит комната, из которой все вышли, а радио осталось.

Я поднял голову.

Она шла от ворот. Рядом с ней шагал начальник участка и говорил быстро, наклоняя голову, — он был выше её на голову и всё равно наклонялся. Она не наклоняла. Она смотрела вперёд и по сторонам: на ячейки, на ленту, на людей, и на людей дольше, чем на всё остальное.

Ей было немного за тридцать. Белая рубашка, застёгнутая до второй пуговицы, и жёлтый жилет поверх. На спине жилета белой краской было напечатано: «НАЧАЛЬНИК». Буквы крупные, как на дорожном знаке, и все, кто оказывался за её спиной, читали это слово так, как читают номер автобуса.

Волосы тёмные, собраны низко, на затылке держались шпилькой. В ушах маленькие серьги, в руках планшет. Кроссовки «Нью Баланс», чёрные, чистые, не по цеху. По такому полу в таких кроссовках ходят только те, кто знает, что к вечеру здесь не останется. Она шла по бетону так, будто он был паркетом.

Я считывал коробку и смотрел на неё. Сканер пискнул три раза, и три раза я поставил коробку не в ту ячейку.

— Это блок два? — спросила она. Голос ровный, низкий. Такой голос не повышают, в нём и без повышения всё слышно.

— Блок два. — Начальник участка пошёл рядом с ней. — Двести сорок в час. По плану двести сорок.

— По плану двести сорок, — повторила она. — А по факту?

Он не сразу ответил. Я видел, как он шевелит губами, будто считает в уме и не сходится.

— Двести тридцать восемь в среднем. Сегодня проверка, люди подтянутся.

— Люди подтянутся, — сказала она. — Хорошо.

Она прошла вдоль ленты. Остановилась у женщины, у которой слетела наклейка со сканера, и сказала ей наклеить новую. Женщина кивнула и стала клеить, и клеила ещё минуту после того, как наклейка давно стояла ровно. Потом остановилась у парня, который ставил коробки на пол, и посмотрела на пол так, как смотрят на лужу в собственной прихожей.

— Почему на полу?

— Ячейка, — сказал парень. — Не открывается.

— Давно?

— С утра.

— Сколько?

— Двенадцать.

Она записала в планшет. Мастер стоял рядом и смотрел на её руки.

— Техника вызвали?

— Вызвали, — сказал мастер.

— В девять. Сейчас десять.

Мастер ничего не ответил. Она записала ещё что-то.

Я стоял у своей ячейки и считывал. Коробки шли ровно,

одна за другой. Я старался не смотреть в её сторону, но смотрел. Она стояла в пятнадцати метрах от меня, под лампой, и вокруг неё в воздухе висела пыль. Пыль была видна только там, где свет.

В цеху было холодно, из ворот тянуло. У неё на руках были тонкие часы. Я видел, как она один раз посмотрела на них и сразу опустила руку.

— Кто в четвёртой линии? — спросила она.

— Фамилия? — сказал начальник.

— Не фамилия. Кто.

Начальник посмотрел на ленту и показал рукой. Она посмотрела туда, куда он показывал, и на секунду её лицо изменилось. Не сильно. Так меняется лицо, когда человек вспоминает, что забыл выключить утюг. Может, и правда вспомнила про утюг.

Потом она снова стала начальником.

— Дальше смотрим мезонин, — сказала она.

Они пошли к лестнице. Начальник шёл впереди и держался за перила. Мастер шёл за ней и нёс её папку, хотя папки у неё не было.

Я смотрел ей в спину. На спине было «НАЧАЛЬНИК», и жилет под мышками был ей велик, как велик он всем.

Денис поравнялся со мной с коробкой в руках.

— Видел? — сказал он шёпотом. — Она на меня посмотрела.

— На тебя все смотрят.

— Не так.

Он хотел сказать ещё что-то. Не сказал. Поставил коробку и отошёл. Уши у него были красные.

Я считывал. Лента шла. В цеху снова стало шумно, но по-другому: люди работали быстрее, чем обычно, и следили, где стоят их руки. Так бывает, когда в комнате включают камеру.

Через двадцать минут она спустилась с мезонина. Одна, без начальника и без мастера. Шла по проходу между рядами ячеек, а проход был узкий, из тех, где двое не расходятся, если один не повернётся боком.

Я стоял у своей ячейки с коробкой в руках. Справа стена, слева лента. Она шла прямо на меня.

Я шагнул назад и спиной упёрся в стойку. Между нами оставалось два шага, потом один.

Она повернулась боком, чтобы пройти. В проходе было темно, лампы горели через одну, и в этом свете я увидел её близко. Тёмные волосы, одна прядь выбилась из-под шпильки и лежала на шее. Под глазами тени, как у человека, который спит по четыре часа и давно перестал считать это проблемой. Губы сухие, без помады, и на верхней маленькая трещинка.

Мы столкнулись плечами. Не сильно. Так сталкиваются в автобусе, когда один не рассчитал.

Жилет у неё был жёсткий, из плотной синтетики, и холодный, как всё в этом цеху. А под ним было тепло. Я почувствовал это тепло через жилет, через куртку, через свитер, и

коробка в моих руках качнулась.

От неё пахло стиральным порошком, хлопком и совсем немного сладким, как крем для рук. Никаких духов. Или духи выдохлись ещё утром и остался только крем.

Она остановилась.

Я стоял и смотрел на неё. Она смотрела на меня. Глаза тёмные, и в них отражалась лампа, по одной в каждом.

Я знал, как это бывает. Я психолог, меня этому учили. Человек отводит глаза через полторы секунды, зрачки расширяются от страха и от интереса одинаково, а взгляд дольше трёх секунд это уже не случайность, а разговор.

Она не отвела.

Стояла и смотрела. Лицо ничего не говорило. Но она дышала ртом, и руку с планшетом прижала к груди, будто планшет мог что-то закрыть.

Потом она вдохнула. Я услышал, как она вдохнула, коротко, через нос. Ноздри дрогнули. Ещё раз.

Я стоял с коробкой и пах перцем и сандалом. Утром я об этом не думал. Утром я просто нанёс на шею то, что два года стояло у меня на полке и чего я так и не выбросил.

— Извините, — сказала она.

Голос был не тот, что в цеху. Тише, ниже, будто она говорила через что-то, и это что-то стояло у неё в горле.

— Извините, — сказал я.

Она кивнула. Мы стояли ещё секунду. Потом она пошла дальше, а я посторонился, прижался к стойке, и её плечо

прошло у меня перед грудью.

Она сделала два шага и остановилась. Постояла, глядя прямо перед собой, на ленту с коробками. Я видел её затылок и шпильку. Шпилька была кривая.

— Здесь на полу, — сказала она громко, в сторону, — ящики складывать нельзя. Есть поддоны.

Голос снова стал рабочим. Она говорила мастеру, который шёл за ней и ничего не ответил.

Она пошла к воротам. Я смотрел, как она идёт. У ворот ей надо было наклонить голову, чтобы пройти под перекладиной. Она не наклонила и прошла.

Сканер в моей руке пискнул. Пискнул ещё раз, сам по себе, потому что я держал кнопку.

— Максим.

Я обернулся. Денис стоял рядом, держал две коробки и смотрел на меня.

— Ты чего. У тебя коробки не туда.

Я посмотрел. Я держал в руках коробку, и сканер, и не помнил, как их взял. На полу у ячейки стояли три коробки, которых там не должно было быть.

— Бывает, — сказал я.

— Бывает, — сказал он. — Ты стоишь, как вкопанный. Духами залился. — Он засмеялся и кивнул на ворота. — У тебя свидание? Или ты на неё?

— Иди, — сказал я.

Он ушёл. Коробки я поставил на место. Сканер работал,

лента шла.

Я стоял и чувствовал на плече место, где было её плечо. Оно было холодное и продолжало быть холодным, как будто кто-то приложил к нему кусок льда и забыл убрать.

В вентиляции над лентой что-то щёлкнуло, и пошёл шум. Ровный, как всегда. В этом шуме на секунду собрался голос. Женский, низкий, он сказал что-то короткое, и я не разобрал слов. Я поднял голову. Надо мной была серая решётка с пылью по краям. Шум шёл как шёл.

Я постоял. Потом решил, что послышалось, и стал считывать дальше.

Запах я тоже помнил. Стиральный порошок, хлопок, сладкий крем. Я мог его вызвать, если стоял неподвижно и не думал ни о чём.

До обеда она вышла в цех ещё раз. Прошла по проходу с мастером, посмотрела на весы, потом на поддоны, потом на часы у себя на руке, и всё это заняло минуты три. На меня она не смотрела. Я считывал коробки и смотрел на ленту, и только один раз, когда она повернулась, поймал себя на том, что считаю, сколько ей шагов до ворот.

В столовой было полно народу и пахло так, как пахнет в любой столовой на земле: подгоревшим маслом, тушёной капустой и мокрой тряпкой. Денис принёс две порции макарон и сел напротив.

— Ирина Сергеевна сказала, что нам поменяют сканеры, — сказал он. — Те, старые, будут менять.

— Кто сказал.

— Она. На мезонине. — Он подцепил котлету. — Я слышал, как она мастеру говорила. Ирина Сергеевна.

Я жевал хлеб. Имя было простое, как у всех: Ирина, Ира, Иришка. В цеху его произносили как пароль, и от этого в нём появилось что-то, чего в нём не было.

— Говорят, она из Норильска, — сказал Денис. — Или из Абакана, точно не знаю. Говорят, у неё квартира на Столбах, а она там не живёт. Говорят, спит по четыре часа.

— Кто говорит.

— Люди.

Он сказал это так, будто люди были отдельной организацией с архивом и штатом, а не теми же восемнадцатью мужиками из раздевалки.

Я доел суп. Компот был сладкий, как лекарство, и я выпил его весь.

После обеда лента пошла быстрее. Я считывал коробки и ставил их ровно, и делал это лучше, чем вчера, и сам не понимал почему. Руки работали, а в голове было одно и то же: узкий проход, холодный жилет, тёплое под ним, короткий вдох через нос.

Я поймал себя на том, что ищу её глазами. Каждый раз, когда в цеху открывалась дверь, я поднимал голову. Один раз это был электрик. Другой раз женщина с весов, и я даже не сразу понял, что она ко мне обращается.

Психолог во мне сказал бы: перенос. Одинокий мужчи-

на, сорок один год, свежая рана, женщина с властью, первое физическое прикосновение за полгода. Всё сходится, всё по учебнику. Это не про неё.

Я не стал спорить с психологом. Но и слушать его не стал.

В пять часов она прошла по цеху в последний раз. У ворот остановилась и обернулась. Я стоял у ячейки с коробкой в руках, и между нами было метров пятнадцать и весь этот шум. Она смотрела секунду, не больше. Потом вышла.

Денис рядом со мной присвистнул. Я ничего ему не сказал, и он, что удивительно, тоже ничего не сказал.

Смена кончилась в восемь сорок. Я сдал сканер и повесил жилет. В раздевалке пахло мокрой обувью и дезодорантом. Денис рассказывал про новые сканеры, и его слушали трое, и все трое кивали так, будто от этих сканеров зависело что-то важное.

На улице шёл снег с дождём. Мокрый, тяжёлый, он ложился на плечи и таял, и через сто шагов воротник был мокрый насквозь. Я пошёл к остановке и увидел у ворот машину. Тёмный седан, мотор работает, дворники машут.

Она стояла рядом с машиной, спиной к цеху. Жилет был снят и лежал на капоте. Она стояла в белой рубашке, и рубашка была мокрая на плечах. В руке сигарета. Она курила, запрокинув голову, и смотрела в небо, где не было ничего, кроме мокрого снега и фонарей, и, может быть, она и не смотрела никуда, а просто так стояла.

Я стоял в двадцати метрах и смотрел. Она меня не видела.

Она докурила и бросила сигарету в лужу. Потом взяла жилет, сложила его вдвое, положила на заднее сиденье. Села за руль и сидела в машине ещё минуту, не включая передачу. Дворники махали.

Я пошёл домой.

Дома пёс встретил меня у двери. Я покормил его, поставил чайник, сел на диван.

— Ирина, — сказал я вслух.

Пёс поднял голову.

— Ирина Сергеевна, — сказал я.

Он смотрел на меня и ждал, что я скажу дальше, и я не сказал ничего.

Я поставил будильник на четыре сорок. Потом лёг. Пятно на потолке было на месте, рыба была на месте.

Впервые за долгое время я ждал не конца смены. Я ждал начала.

3

Будильник я поставил на четыре сорок и проснулся за минуту до звонка, как просыпается человек, которому давно нечем себя обманывать: лежишь в темноте и слушаешь, как на стуле набирает дыхание маленькая пластмассовая тварь. Я лежал и не гасил её. Так было правильнее.

Пёс спал у двери, на боку, лапы вытянуты так, будто он бежал во сне и остановился. Я переступил через него, он не шевельнулся. Из крана сначала шёл воздух, потом вода, и вода была ледяная, потому что горячая доходит до пятого этажа, когда она уже никому не нужна. Умылся холодной.

На полке стояли два флакона. Маленький, из аптеки, я взял сразу и нанёс масло на шею. Потом подумал и взял большой. Один раз, второй. Крышка щёлкнула так, будто в квартире кто-то тихо прикрыл за собой дверь. Запах встал в ванной, и на секунду там стало тесно.

Денис вчера спросил, не свидание ли у меня. Свидания не было. Была смена.

Покормил пса. Он ел, когти цокали по линолеуму, пока он переступал вокруг миски. Потом поднял голову и смотрел, как я застёгиваю куртку.

— Я вернусь, — сказал я.

Он слышал это слово каждый день, и каждый день оно означало одно и то же.

На улице капало. За ночь подморозило, вода шла по льду и хрустела под ногами, как сахар. У третьего подъезда никого не было. Человека в синей куртке я не увидел и обрадовался, а потом понял, что обрадовался, и это мне не понравилось больше, чем сам человек в куртке.

Автобус пришёл в пять ноль-ноль. Я сел у окна и протёр стекло ладонью, и город поплыл за ним мокрый и блестящий: фары, вывески, вода из-под колёс. На остановке женщина в пуховике держала за руку мальчика. Мальчик смотрел на лужу и тянул её в сторону. Она не шла.

В автобусе было тепло и пахло мокрой тканью. Напротив сидел мужчина с газетой, читал, держа её на весу, и шевелил губами, будто повторял про себя то, что и так знал. Газета была вчерашняя, дату я видел в углу. Через две остановки он сложил её, засунул под куртку и вышел, а на сиденье остался след от его спины, тёмный, в форме человека, и медленно таял, пока не стал просто сиденьем.

За ним села девушка с рюкзаком. Она достала телефон, потом зеркальце, потом опять телефон. У неё звонил будильник, а она не выключила его, просто держала в руке, пока он не замолчал сам.

На кольце водитель объявил остановку и сказал, что дальше идёт по объезду.

— Опять объезд, — сказал кто-то сзади. — Каждый день объезд.

— Ремонт, — сказал водитель в микрофон.

— Ремонт у нас три года.

— Ну.

Две женщины у двери засмеялись. Одна сказала, что ремонт делают для того, чтобы потом сделать ещё один. Вторая сказала, что в этом городе сначала кладут трубу, потом её ломают и кладут новую. Говорили они громко, хотя стояли рядом и всё равно друг друга не слышали.

Я смотрел на них и думал, что знаю этот разговор. В нём не было ни одного слова, которое я слышал впервые, и от этого в автобусе стало будто на градус холоднее.

На проходной турникет пискнул на карте. На экране загорелась зелёная полоса и моя фамилия. Охранник поднял голову.

— Рано, — сказал он.

— Как всегда.

— Всегда это в шесть. — Он посмотрел на часы, потом на меня. — Сейчас без десяти.

— Значит, встаю рано.

— Ага.

Он взял ручку и записал что-то в журнал. В журнале было две колонки, время входа и время выхода, и он вёл его ручкой, а не в компьютере, хотя компьютер стоял у него под рукой и, судя по пыли, никогда не включался. Я смотрел, как он ставит цифры, и думал: если именно он и есть тот, кто считает, то с арифметикой у него плохо.

Коридор до раздевалки был длинный. Стены снизу зелё-

ные, сверху белые, на высоте метра шла жёлтая полоса, и от этой полосы у меня всегда немного кружилась голова, если смотреть вдоль. На полу следы от мокрых ботинок, все в одну сторону. У стены стоял автомат с шоколадками, в лотке висел стакан с коричневым следом на дне, и я видел этот стакан каждый день на одном и том же месте.

Я посмотрел на автомат и решил, что кофе возьму в перерыв. Решил и пошёл дальше.

В раздевалке гудело, как гудит любое помещение, где с утра до вечера переодеваются сорок человек: шкафчики хлопали, кто-то матерился над замком, из душевой тянуло сыростью. Денис сидел на скамейке и завязывал ботинок.

— Ты сегодня какой-то, — сказал он.

— Какой.

— Не знаю. — Он подумал, будто взвешивал слово. — Ровный.

— Я всегда ровный.

— Ну да.

Он прищурился на меня и ничего не сказал, и я почувствовал, что он сказал больше, чем хотел, а я услышал больше, чем он сказал. Потом он стал рассказывать про новые сканеры. Их обещали ещё до Нового года, теперь обещали в марте, и говорил он об этом долго, с подробностями, как говорят о вещи, которую никогда не получат. Я кивал.

Мимо прошёл мужик с бритой головой, с полотенцем на плече. Он остановился у шкафчиков и оглянулся.

— Кто вчера на пятой линии был? — спросил он.

— А что.

— Мезонин смотрел. Там теперь другая камера. Смотрит в проход.

— И что она видит?

— Всё видит.

Он сказал это с удовольствием, как человек, который первым узнал новость и уже успел ею насладиться, и пошёл дальше. Потом обернулся.

— Ты, я слышал, музыку делал? — спросил он.

— Делал.

— А чего бросил?

— Так.

— Ага. — Он поправил полотенце на плече. — Жалко.

Денис посмотрел ему в спину, дождался, пока он отойдёт, и наклонился ко мне.

— Говорят, она вчера двоих с линии сняла, — сказал он тише.

— Кто говорит.

— Люди. — Он оглянулся. — За брак.

— Какой брак.

— Посылки не в ту сторону поехали.

— Как это.

— Обыкновенно. Стояли не там, где надо.

Он сказал это и посмотрел на меня, будто ждал, что я спрошу ещё. Я не спросил.

Он завязал второй ботинок и посмотрел на него. Ботинок был старый, с белой полосой по подошве, и полоса эта стёрлась до серого.

— Ты бы завязывал, — сказал я.

— Я завязал.

— Он развязался.

Денис посмотрел на ботинок, вздохнул и завязал снова, крепче, и всё равно остался недоволен.

У третьего шкафчика Галина Петровна растирала поясницу через свитер. Делала она это медленно, круг за кругом, и смотрела в стену, как смотрят в телевизор, который выключили.

— Галина Петровна. Вам бы к врачу.

— Врач мне скажет то же, что я сама.

— Что?

— Что тяжести не поднимать. — Она подтянула сумку, и ремень врезался ей в плечо. — Я это и так знаю.

— А что ещё?

— Ещё скажет, что мне пятьдесят шесть. — Она усмехнулась. — Как будто это болезнь.

— Сколько вы тут работаете?

— Одиннадцатый год. Пришла, когда завод стал, а мужа сократили. — Она поправила рукав, будто в этом был весь разговор. — Мужа потом не стало, а я осталась.

— Давно?

— Четыре года.

Она сказала это ровно, как про тяжести, и я не стал спрашивать.

— А дети?

— Дочь. Живёт в Ачинске, у неё свои. — Галина Петровна посмотрела на часы, потом на дверь. — Я к ней на Новый год езжу. Автобус в семь, я встаю в четыре.

— А она к вам?

— У неё смена. — Она снова подтянула сумку. — Я не в обиде. Я в её годы тоже не ездила.

— Галина Петровна.

— Что.

— Зачем вам это всё.

Она посмотрела на меня так, будто я спросил что-то неприличное, и я уже пожалел, что спросил.

— Квартиру жду. — Она сказала это тише. — Я в очереди с двенадцатого года. Мне говорили, в этом году дадут. В прошлом тоже говорили.

Она пошла к выходу. У двери взялась за косяк, постояла, будто ждала, что дверь откроется сама, и вышла.

На пятиминутке мастер держал планшет и говорил в него, как будто читал с экрана чужую жизнь.

— Норма двести сорок. По итогам недели смотрим рейтинг.

Про рейтинг он говорил каждый день, и каждый день это звучало так, будто рейтинг придумали специально, чтобы кто-то один раз в неделю мог почувствовать себя человеком.

— Кто вчера оставлял коробки на полу, ещё раз. Поддоны есть.

— Нет поддонов, — сказали из толпы.

— Будут.

— Когда?

— После проверки.

Мастер поднял голову от планшета и нашёл того, кто спросил. Тот смотрел в пол, и все остальные тоже посмотрели в пол, кроме меня.

— Вопросы потом, — сказал мастер и снова опустил голову.

— Начальник блока сегодня будет, — сказал он. — Работаем без разговоров.

Я стоял в толпе и слушал. Люди вокруг переступали с ноги на ногу, кто-то пил кофе из стакана, и стакан был из автомата, тот самый, с коричневым следом на дне, который потом висит в лотке до вечера. На стене висел плакат: рабочий в жёлтом жилете улыбался и показывал большой палец. Я смотрел на палец и думал, что его наклеили отдельно.

Лента пошла в шесть ноль-ноль. Сначала пустая, потом из-за поворота вышли коробки, одна за другой, и цех наполнился тем ровным шорохом, который через месяц перестаёшь слышать, а через два начинаешь слышать во сне. Я стоял у своей ячейки. Зелёный луч, писк. Зелёный луч, писк.

Я не говорил себе, что жду. Просто каждый раз, когда открывались ворота, поднимал голову. Вошёл электрик с сум-

кой, и это был ещё не тот электрик. Вошла женщина с весов, у неё в кармане звенели ключи, как будто она несла в кармане маленький колокольчик. Въехал погрузчик и остановился у дальнего ряда, и это тоже была не она.

В половине десятого Денис поравнялся со мной с двумя коробками.

— Ты кого-то ждёшь, — сказал он.

— Никого.

— Ага.

Он пошёл дальше, а я поставил коробку и посмотрел на часы над лентой. Стрелка стояла на девяти минутах, и я поймал себя на том, что жду, когда она сдвинется.

В девять пришёл электрик. Тот самый, с сумкой через плечо. Остановился у моей линии и посмотрел на ячейки, как смотрят на полку в магазине, где всё разложено не по-людски.

— Девятая? — спросил он.

— Девятая.

— Что с ней?

— Не открывается.

Он снял сумку, поставил на пол и открыл щиток за ячейкой. Внутри были провода, пыль и серая коробочка с кнопками, и пыль там лежала слоем, ровным, как снег на крыше. Он посветил туда фонариком с ключей.

— Плата, — сказал он.

— Вчера тоже говорили плата.

— Вчера кто приходил?

— Не знаю. Кто-то.

— Значит, не я. — Он поставил сумку между колен. — Хотя какая разница.

Он достал тестер, потыкал в контакты. Тестер пискнул один раз и замолчал, и электрик посмотрел на него с уважением, как на человека, который сказал ровно столько, сколько нужно.

— Контакта нет. Поставлю перемычку. До обеда продержится.

— А потом?

— Потом плату менять.

— Когда поменяют?

— Когда привезут.

— А когда привезут?

— Не знаю. Я электрик.

Он сказал это спокойно, без обиды, как говорят о погоде. Достал из сумки кусок провода, согнул его и вставил в две дырки. Щёлкнуло.

— Нажми.

Я нажал кнопку. Створка пошла вверх с первого раза.

— Вот, — сказал он. — Работай.

— А если опять?

— Тогда зови.

Он собрал сумку и пошёл к следующей линии. Я посмотрел ему вслед. У него на жилете сзади была оторвана свето-

отражающая полоса, и конец её висел, и он этого, похоже, не знал.

Погрузчик выехал из-за ряда и посигналил, и я отступил с поддоном. Водитель был молодой, в оранжевом жилете, он поднял вилку и посмотрел на меня через плечо.

— Куда ставить? — крикнул он.

— В четвёртую.

— Занято.

— Тогда в седьмую.

— Тоже.

Он опустил вилку и уехал. Через минуту вернулся и поставил поддон у стены, где ставить было нельзя, и уехал опять, и я подумал, что у него, наверное, всё в жизни так и решается.

В цеху гудело. Лента шла, коробки шли, сканеры пищали. Сорок человек стояли у сорока ячеек и делали одно и то же, и со стороны это выглядело как что-то осмысленное, если не приглядываться. У кого-то в кармане играло радио, тихо, на одну ноту. Я смотрел на руки и не узнавал их. Руки работали без меня, и это было нормально, и от этого становилось не по себе.

Я поднял голову и посмотрел на мезонин. За стеклом горели мониторы, за ними сидели люди в белых рубашках. Один стоял и смотрел вниз. Я не видел лица, только белую рубашку и тёмное пятно головы. Он постоял и отошёл.

Она пришла в десять сорок. Я узнал по звуку: в цеху стало тише, потом опять шумно, но уже по-другому. Люди пере-

стали разговаривать и начали работать ровнее, и я подумал, что так, наверное, бывает в комнате, когда включают камеру и все делают вид, что не замечают.

Она шла от ворот с мастером. Белая рубашка, жёлтый жилет, на спине «НАЧАЛЬНИК». Планшет держала у груди, как книгу. Волосы были собраны так же низко, шпилька на месте.

Она остановилась у соседней линии, что-то сказала женщине у сканера. Женщина закивала, и кивала ещё секунду после того, как она отошла. Потом она пошла по проходу, и мастер шёл за ней.

У весов стоял поддон с коробками, одна лежала сверху отдельно, без плёнки. Она наклонилась и посмотрела на ярлык.

— Это что? — спросила она.

— Брак, — сказал парень у весов. — Сейчас уберут.

— Почему он на линии?

— Мы его отставили.

— Отставили или он тут стоит?

Парень посмотрел на поддон и ничего не сказал, и по его лицу было видно, что он уже придумал ответ, но не успел его проверить. Подошёл второй рабочий, взял коробку и понёс к стене.

— Далеко не надо. Зону брака обозначьте. Лентой.

— Ленты нет.

— Спросите у мастера.

Мастер записал что-то в планшет и кивнул. Он кивал ей

в спину, будто соглашался с каждым словом отдельно.

Дальше она остановилась у линии, где работал парень с телефоном в нагрудном кармане. Телефон был в чехле с резиновым медведем, карман расстёгнут, и медведь смотрел на всех одним и тем же весёлым глазом.

— Уберите, — сказала она.

— Я время смотрю.

— Время на ленте.

Парень убрал телефон в шкафчик. Она подождала, пока он закроет дверцу, и пошла дальше.

— Сколько сегодня? — спросила она, не поворачиваясь.

— Двести тридцать восемь.

— К обеду будет двести сорок?

— Будет.

— Вчера тоже говорили будет.

Мастер молчал. Она остановилась и посмотрела на него.

— Мне не завтра нужно, — сказала она тише. — Мне сейчас.

Она посмотрела на часы на руке, тонкие, с белым циферблатом, и сразу опустила руку. Денис рядом со мной поставил коробку и толкнул меня локтем.

— Слышал? — прошептал он.

— Слышал.

— Она его делает. Мастера.

— Ага.

Он сказал это с радостью, будто мастера делали при нём.

Я считывал коробку. Руки работали, голова была пустая и лёгкая. Я смотрел на неё и думал, что она идёт по проходу так, как идут по своему дому, где всё давно расставлено и ни одна вещь не удивляет.

И ещё я думал, что она знает в этом цеху каждый угол. Даже тот, где стоит поддон, который некуда ставить.

Я считывал коробку, когда она остановилась в двух шагах от меня. Я не поднял голову сразу. Сначала досчитал, потом поставил коробку, и только потом посмотрел.

— Доброе утро, — сказала она.

Голос был тот же, низкий и ровный. Вблизи он звучал тише, чем в цеху, будто она говорила не для всех, а для одного человека, и этот человек стоял здесь.

— Доброе.

Она посмотрела на экран над лентой, нашла мою фамилию, потом цифру.

— У вас ровно, — сказала она.

— Стараюсь.

— Все стараются. — Она посмотрела на цифру. — Не у всех ровно.

Мастер стоял за ней и смотрел на её планшет, и я видел, как он смотрит, и видел, что он тоже видит, что она смотрит не туда, куда смотрит он.

— Девятая открывается? — спросила она.

Я посмотрел на девятую. Створка была закрыта, на ней остался серый след от наклейки.

— Иногда, — сказал я.

— Покажите.

Я поставил коробку на поддон и нажал кнопку. Створка не пошла. Я нажал ещё раз. Ничего.

— Вчера вызывали техника, — сказал я. — Он сказал ждать.

— Сколько на полу?

— Две.

Она подошла и нажала кнопку сама. Створка не пошла. Она стояла в полуметре, и я слышал, как она дышит носом. Дыхание было ровное, как у человека, который умеет держать себя в руках при посторонних. Потом оно сбилось. Один вдох, второй, короче.

— Ещё раз.

Я нажал кнопку. Створка пошла вверх.

Я сидел в автобусе. За окном было темно, и в стекле висели моё лицо и лампа над дверью, и в этом отражении не было ни города, ни людей, ни улицы.

Я посмотрел на телефон. Двадцать два сорок один. Четвёртый день недели, четверг, если считать с понедельника, а я всегда считал с понедельника, потому что так короче ждать пятницу.

Я сидел и держал телефон в руке. Смена кончалась в двадцать сорок. Значит, я в автобусе уже час. Или это другой автобус, и я в нём уже два.

Я попробовал вспомнить, как вышел из цеха. Как сдал

сканер. Раздевалку, шкафчик, куртку. Ничего. Я вспомнил створку, которая шла вверх. Потом вспомнил, как она остановилась. Между этим и лампой над дверью не было ничего, как будто кто-то вырезал кусок плёнки и склеил то, что осталось, без единой морщины.

Я проверил карманы. В правом лежал чек из магазина. «Светофор», двадцать один двенадцать. Хлеб, молоко, корм для пса. Триста сорок два рубля. Чек был смятый и тёплый, как будто я держал его в кулаке всю дорогу и не выпускал.

В левом кармане был телефон, и на этом всё. Ключи от квартиры висели на поясе, я потрогал их через куртку. На месте.

Пальцы у меня пахли сандалом. Я поднёс руку к лицу. Слабый запах, почти не осталось, но он был.

На правой руке, у большого пальца, была ссадина. Маленькая, уже подсохшая, с тёмной корочкой. Я не помнил, где её взял. Такие бывают, когда задеваешь угол ячейки, и за четыре месяца я задевал их сотни раз, и ни одной не запомнил.

Я проверил мелочь. Три монеты по десять и одна пятирублёвая. Значит, за проезд я заплатил. Или не заплатил, и водитель меня не высадил, и это тоже было возможно, потому что в этом городе за проезд не высаживают, а просто смотрят в спину.

Женщина с сумкой на коленях повернулась ко мне.

— Вы на следующей? — спросила она.

— Нет.

— А на какой?

— На своей.

Она посмотрела на меня, будто хотела сказать что-то ещё, и отвернулась к окну. Сумка у неё была тяжёлая, она держала её двумя руками, как держат ребёнка.

Я посмотрел на своё отражение в стекле. Лицо было моё, только усталое, будто человек в стекле тоже отработал смену и ехал домой, и ему было всё равно, куда ехать.

За моим плечом сидела женщина в тёмном платье. Руки на коленях, волосы убраны. Я обернулся.

Сзади сидел человек в сером пальто с пакетом и спал, уронив голову на грудь.

Я посмотрел в стекло снова. Там были лампа над дверью и моё лицо.

Я открыл сообщения. Денис написал в двадцать один двадцать восемь: «Ты норм? Ты какой-то был после обеда». Я прочитал два раза. Потом посмотрел на время сообщения. Потом на своё.

Обед я помнил. Суп, макароны, компот. Как Денис рассказывал про сканеры. Как я сказал ему, что я всегда ровный.

После обеда я не помнил ничего. До автобуса.

Автобус остановился. Водитель объявил остановку, название было незнакомое. Я посмотрел в окно. Магазин «Разливное», вывеска с оторванной первой буквой. Я видел такую на улице Щорса, когда ходил за хлебом. Здесь была та же вы-

веска, с той же оторванной буквой и тем же пятном на углу.

Я подумал, что таких магазинов много. Их делают по одному проекту, и живут они одинаково, и умирают тоже.

На остановке вошёл человек в сером пальто с пакетом. Сел через два ряда, у окна, и поставил пакет на колени. Пакет был белый, с синей полосой, ручки связаны узлом.

Я ехал и смотрел на него. Через остановку он вышел. Через две остановки он вошёл снова, с тем же пакетом, и сел на то же место.

Я смотрел на него и не говорил ничего. Люди ходят кругами. Ездят туда и обратно. Я сам четыре месяца ездил по одному маршруту и называл это жизнью.

На моей остановке я вышел. Воздух был холодный и мокрый. Под фонарём висела мелкая водяная пыль.

Я стоял и смотрел на свою пятиэтажку. В окнах горел свет. У меня в окне было темно.

Я знал, отчего так бывает: усталость, недосып, алкоголь, травма. Я не пил. Спал по шесть часов. Головой не ударялся.

Я пошёл домой и по дороге попробовал вспомнить хотя бы один звук из этих одиннадцати часов. Ленту. Сканер. Голос мастера. Ничего. Как будто кто-то вырезал кусок плёнки и склеил оставшееся, и склейка вышла ровная, без единой морщины.

В подъезде было темно. Я поднялся, держась за перила. На третьем пахло жареной картошкой, на четвёртом было тихо.

Пёс услышал за дверью и начал скрести. Я открыл. Он

ткнулся головой в колено и стоял так, пока я снимал куртку.

Куртка была сухая. Снега не было.

Я включил свет в коридоре и повесил куртку. Пёс ходил за мной и стучал когтями, и в тихой квартире это было единственное, что подтверждало: я пришёл. Я насыпал ему корм, поставил чайник.

На столе лежали чек и телефон. Я сел и разгладил чек ладонью. Бумага была мягкая, буквы выцвели по сгибу. Двадцать один двенадцать. За кассой стояла женщина в красном жилете, но я не помнил её лица. Я вообще не помнил магазина. Помнил, как мелькает свет в холодильнике с молоком, потому что так бывает всегда.

Я взял телефон и позвонил Денису.

Он ответил после третьего гудка. У него работал телевизор.

— Ты чего? — сказал он.

— Ничего. Скажи, что было после обеда.

— В смысле.

— В прямом. Что я делал.

— Работал. — Телевизор у него за спиной что-то сказал, и он убавил звук. — Как все. Ты чего, Максим?

— Во сколько она приходила?

— Кто?

— Начальница.

— В пять. Как всегда. Прошла по проходу и всё. — Он помолчал. — Ты на неё смотрел.

— И что я делал?

— Ничего. Стоял у ячейки.

За стеной у него засмеялись в телевизоре, коротко, как будто там кто-то уронил что-то и этому обрадовался.

— Ты нормально? — спросил он.

— Нормально.

— Ты в конце смены молчал. Я тебе про сканеры, а ты молчал. Я подумал, тебе всё равно.

— Мне не всё равно.

— Ну вот.

Он помолчал. Я слышал, как он дышит и как в телевизоре говорят про погоду, и по голосу диктора было понятно, что погода будет плохая и что это всех устраивает.

— Ты сегодня не курил, — сказал он вдруг.

— Что?

— В курилке не был. Я в десять ходил и в два. Тебя не было. Бросил?

— Нет.

— Ну ладно.

Я сказал, что перезвоню, и нажал отбой. Поставил телефон на стол экраном вниз. Чайник щёлкнул.

Я знал этот тест. Психологи называют его проверкой реальности: спроси у другого человека, что было, и сравни со своим. Другой человек сказал, что всё было. Я стоял у ячейки, сдал сканер, вышел вместе со всеми. Только меня в этом не было.

Я налил чай и сел на диван. Пёс положил голову на пол рядом с диваном и вздохнул, и вздох этот был такой тяжёлый, будто он тоже что-то потерял и не мог вспомнить что.

Пятно на потолке было на месте. Рыба. Я смотрел на неё и считал: раз, два, три, и на пятом сбился, потому что считать было нечего.

Если провал начался в одиннадцать двадцать, а кончился в двадцать два сорок один, то это одиннадцать часов и двадцать одна минута. Рабочий день. Целое рабочее утро, обед, вторая половина смены, раздевалка, дорога до магазина, магазин. Всё это было, и всё это не оставило ничего, ни звука, ни запаха, ни одной зацепки, за которую можно было бы потянуть.

Я достал из ящика блокнот. Он лежал там с прошлой зимы, обложка мягкая, половина страниц чистая. На первой я когда-то записывал расходы: бензин, сигареты, что-то ещё. Теперь там был только я.

Я написал:

«11:20. Ячейка 9. Створка пошла вверх.

22:41. Автобус. Лампа над дверью.

Между ними ничего.

Чек: 21:12. Денис: 21:28».

Посмотрел на это и добавил:

«Проверить: где был, что делал, с кем говорил».

Получилось как в карточке больного. Я вёл такие карточки, когда работал. Тогда на другой стороне сидел человек и

отвечал на вопросы, и по его ответам постепенно складывался кто-то третий, о ком он сам ничего не знал. Сейчас вопросов не было.

Я откинулся на диван и попробовал по-другому. Не вспоминать, а угадывать. После обеда я обычно шёл в курилку. В десять и в два, как сказал Денис. Там стояли одни и те же люди, кто-то рассказывал про рыбалку, и я даже знал, кто именно. Я угадывал, и ничего не появлялось.

Я помнил, как утром шёл к проходной. Помнил, как пискнул турникет. Помнил пятиминутку и ленту.

А потом я помнил, как она нажала кнопку.

Я поднял руку и посмотрел на пальцы. Ногти были грязные, под ними серая полоса. Так бывает после коробок.

Я решил проверить память по-другому. Взял лист и написал десять слов: стол, окно, рыба, лента, жилет, сканер, сандал, пёс, чайник, шпилька. Посмотрел на них, сложил лист и убрал под чашку.

Потом стал считать от ста назад через семь. Сто, девяносто три, восемьдесят шесть. На сорока четырёх я сбился и начал снова.

Через минуту достал лист. Я вспомнил восемь слов. Забыл «сандал» и «чайник». Сандал был у меня на шее, чайник стоял на столе.

Это ничего не значило. Восемь из десяти это нормальный результат для уставшего человека, и я повторил это про себя дважды, как повторяют фразу, в которую не очень верят.

Я попробовал вспомнить имя мастера. Мастер ходил по цеху, держал планшет, говорил про норму. Я работал с ним четыре месяца, я здоровался с ним каждое утро. Имени не было.

Я попробовал вспомнить имя женщины с весов. Она звенела ключами, когда шла по проходу. Имени не было.

Охранник на проходной сказал мне «рано» и записал меня в журнал. Я видел его лицо, его ручку, его журнал. Имени не было.

Я сидел и держал лист. Имена не приходили. Я ждал, как ждут в темноте, когда глаза привыкнут.

Это было хуже провала. Провал можно было списать на усталость. Имена я слышал каждый день, четыре месяца, и они не были связаны ни с каким провалом.

Я попробовал вспомнить имя жены. Оно пришло сразу, целиком, с отчеством и с тем, как она произносила его в трубку, когда звонила не мне, а кому-то при мне.

Я положил лист на стол и накрыл его чашкой.

В час ночи я всё ещё сидел на диване. Чай остыл, я не выпил его. Пёс спал. В доме было тихо, только труба в стене гудела, и за стеной у соседей работал холодильник, и я слышал, как он включается и выключается, и по этим щелчкам можно было понять, что время идёт.

Я перечитал свои четыре строчки. Потом взял ручку и дописал пятое: «Она нажала кнопку в 11:20».

Посмотрел на цифры. Цифры стояли ровно, как в отчё-

те. В отчёте всегда так: две точки, между ними итог. Только здесь итога не было.

Я стал вспоминать день по порядку, медленно, как учили. Не события, а вещи. Створка ячейки, серая, с полосой клея. Её рука на кнопке. Палец с коротко срезанным ногтем. Дыхание. Потом лампа в автобусе.

Дальше ничего не приходило. Я подождал. Потом попробовал с другой стороны: запахи. Хлорка в раздевалке. Мокрый бетон. Суп в столовой. Сандал у себя на шее.

Сандал был утром. Суп был в обед. Значит, обед я помнил. Значит, провал начался не раньше обеда.

Я закрыл глаза и стал вспоминать обед по порядку. Это было легче, чем вспоминать день. Обед был короткий, у него были края.

В двенадцать мы пошли в другой корпус. Пять минут по улице, куртки на плечах, пар изо рта у всех сразу, будто мы все одновременно закурили. Дорога была посыпана песком, песок смёрзся в комья, и по нему было идти хуже, чем по голому льду.

В столовой пахло капустой и мокрой тряпкой. На раздаче стояли две женщины в белых халатах и голубых косынках. Одна наливала суп, вторая клала макароны, и макароны были серые, с маслом.

— Хлеб берите, — сказала вторая. — Кончается.

— Два.

Она положила два куска, потом посмотрела на меня и по-

ложила третий, и я не понял, за что.

Денис взял две порции макарон и котлету. Я взял суп. Сели у окна, где холоднее, зато не так шумно. За окном падал снег с дождём и не долетал до асфальта. Стекло было мутное от воды.

— Ты знаешь, где она живёт? — спросил Денис.

— Кто?

— Начальница.

— Нет.

— Говорят, на Столбах. Там у неё квартира.

— На Столбах заповедник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.